

Журнальная хроника

... ственномъ отношеніи ова и представляется вѣсколю тяжеловѣсной.

Г. Маминъ-Сибирякъ въ новой своей, названной выше, повѣсти вывести одного изъ петербургскихъ прожигателей жизни, влѣдствіе кутежей съ одной куртизанкой сдѣлавшаго подлоги векселей и на три года сосланнаго на поселеніе, гдѣ онъ и закончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Интересъ его повѣсти сосредоточивается, впрочемъ, не на личности героя, а на характеристикѣ быта и жизни сослаземыхъ въ мѣста не столь удаленныя на самомъ мѣстѣ ихъ пребыванія въ ссылкѣ. Въ этомъ отношеніи его повѣсть представляетъ и интересъ повизны, и занимательность сюжета.

Г-жа Винницкая закончила свою довольно растянутую и скучную повѣсть такъ же самоубійствомъ юнца, скравшаго бобровую шапку. Къ такому исходу послужило для юнца то обстоятельство, что на сдѣх кражи шапки попалъ ее собственникъ, нашедшій у своей подруги-швейки подкладку отъ шапки; эта швейка, путавшаяся и съ юнцомъ, сообщила ему объ этомъ, и онъ, боясь скандала и позора, за лучшее счелъ избѣжать этого черезъ самоубійство.

Въ ряду новыхъ и законченныхъ небольшихъ беллетристическихъ произведеній, напечатанныхъ въ ноябрьскихъ книжкахъ журналовъ, на первомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, надобно поставить рассказъ Ал. Чехова — «Убійство» (Русск. Мысль № 11). Авторъ описываетъ здѣсь бытъ зажиточныхъ крестьянъ, огорчавшихся отъ церкви и совершавшихъ богомоленія въ своемъ домѣ. Одинъ изъ братьевъ скоро спозналъ свои заблужденія, снова обратился въ церковь и постоянно убѣждалъ старшаго брата «опомниться». Послѣдній съ своей сестрой, однако, не послушалъ этихъ убѣжденій, ожесточился противъ брата и въ одинъ прекрасный вечеръ убилъ его въ своей кухнѣ. Интересъ рассказа заключается, собственно, въ характеристикѣ быта этихъ деревенскихъ «искателей истины». Въ смыслѣ художественной законченности рассказъ представляется

не совсѣмъ удачнымъ: въ немъ недостаточно отчетливо выяснены мотивы враждебности старшаго брата къ младшему и злѣрской, ожесточенной расправы съ нимъ.

Г. Гибдпчъ напечаталъ на этотъ разъ очень недурной рассказъ. — «Ужасъ» («Русскій Вѣстн.» № 11). Здѣсь вывести горецъ, съ восгоргомъ въ наслажденіемъ ввсминающій о своихъ якобы геройскихъ подвигахъ, заглававшихся въ убійствахъ и воровствахъ продолжалъ по отношенію къ неправовѣрнымъ. Фигура горца выступаетъ въ рассказѣ, какъ живая, и рельефно очерченою фигурой рассказъ производитъ на читателя очень выгодное впечатлѣніе.

Г. Серафимовичъ (въ «Русской Мысли» № 11) напечаталъ очень правдивый и интересный очеркъ — «Подъ землей». Автору удалось забраться въ угольную шахту, видѣть все тамъ происходящее, и вотъ картину видѣннаго читатель и найдетъ въ названномъ очеркѣ. Кто не знакомъ съ условіями работы шахтарей, для того очеркъ г. Серафимовича дастъ объ этомъ совершенно определенное и ясное представленіе.

Изъ отдѣльныхъ рассказовъ можно еще отмѣтить очень недурную жанровую картинку: Быстренина — «Учитель» («Нивное Слово» № 2). Въ рассказѣ выведенъ грамотный и толковый странникъ, случайно зашедшій въ довольно большую деревню. Здѣсь онъ обосновался, сталъ обучать крестьянъ — взрослыхъ и малолѣтнихъ — грамотѣ, убѣдилъ ихъ построить хорошее зданіе для школы и затѣмъ здѣсь же онъ померъ. Во время болѣзни учителя кто-то пустилъ слухъ, что онъ изъ бѣглыхъ и разыскиваемыхъ преступниковъ, и потому послѣ смерти крестьяне востарались какъ можно поскорѣе избавиться отъ мнимо опаснаго пришельца. Рассказъ г. Быстренина производить очень хорошее впечатлѣніе на читателя и лишний разъ доказываетъ ту простую и извѣстную мысль, что нашъ деревенскій людъ совсѣмъ не чуждается ученія и школы, и что стоитъ только въ нему умѣючи подойти, — онъ согласенъ будетъ и на

К. М-скій

(К. П. Медведский)